

БИБЛИОТЕКА СВОБ. УНИВЕРС.

Въ № 3083

Получено на 1931 г.

III-9-109
II 953

Профессоръ С. С. Бобчевъ

**Болгарско-турецкія параллели
въ юридическихъ пословицахъ и
ихъ значеніе для народнаго права**

Неоднократно, при изученіи болгарскаго обычнаго права, желая использовать возможно шире не только сравнительно-славянскій, но и вообще сравнительно-историческій методъ, я наталкивался на значительное богатство данныхъ, которыя заключаются въ юридическихъ пословицахъ. Послѣднія являются, такимъ образомъ, важнымъ, хотя и не непосредственнымъ, источникомъ исторіи народнаго права. Прилагая къ большему числу ихъ, приведенныхъ въ систему, сравнительно-славянскій методъ, я нашелъ много такихъ, которыя не только по смыслу, по содержанию, но и лексически и по конструкции, напоминаютъ намъ объ общемъ происхожденіи, о той праславянской родинѣ, въ которой разные славянскіе народы — восточные, западные и южные — жили совместно и имѣли общія выраженія, понятія и термины въ области, какъ духовной, такъ и матеріальной культуры. При этихъ моихъ занятіяхъ я приходилъ къ мысли, что изученіе пословицъ, какъ части фольклора, символическихъ формулъ и пр. можетъ послужить для пониманія и освѣщенія нѣкоторыхъ темныхъ уголковъ древней правовой славянской исторіи. И очень жаль, что на этотъ источникъ стараго славянскаго права не было обращено, мнѣ кажется, достаточнаго вниманія.

При изученіи болгарскихъ юридическихъ пословицъ не одинъ разъ мое вниманіе привлекало и другое обстоятельство — наличие въ нихъ обильнаго турецкаго элемента.

То, что заинтересовало меня прежде всего, было — дѣйствительно ли частое употребленіе у насъ старыми людьми турецкихъ пословицъ, означаетъ, что у насъ нѣтъ подобныхъ имъ по смыслу? дѣйствительно ли эти турецкія пословицы всегда первоначальнаго, турецкаго происхожденія? многія ли изъ нихъ, какъ и извѣстные турецкіе термины, за-

мѣнили наши, выражающіе міросозерцаніе болгарскаго народа? Въ области турецкихъ юридическихъ пословицъ для меня было очень желательнымъ отличить истинно-болгарскую культуру отъ турецкой и оцѣнить, по возможности, характеръ какъ одной, такъ и другой, по внутреннему правозому смыслу по народному правосознанію. Интересовалъ меня при этомъ и другой вопросъ: не встрѣчается ли въ болгарскихъ формулахъ и пословицахъ параллелей съ турецкими пословицами—и нѣкоторыхъ тюркскихъ пережитковъ (словъ и пр.) эпохи Аспаруховыхъ праболгаръ?

Неоднократно я защищалъ положеніе, что Аспарухова болгарская дружина—разноплеменная смѣсь степныхъ народовъ на азовско-черноморскомъ сѣверѣ, въ рядахъ которой были и тюрко-болгары, гунны, финны, хозары или козары, скифы и славяне (анты, венды или венеты, свевы и сарматы)¹⁾, что эта дружина не принесла никакой гражданственности, государственности и правовой культуры, каковую уже имѣли, хотя и въ зачаточномъ состояніи, болгарскіе славяне, пришедшіе сюда съ той стороны Дуная.

У насъ, съ цѣлью доказать исключительно тюркское происхождение Аспаруховой дружины, продолжаютъ усиленно отыскивать, и сочинять всевозможныя вѣроятныя и невѣроятныя предположенія и даже утверженія.

Находятся смѣлые изслѣдователи, старающіеся провести мысль, что не только внѣшняя, матеріальная, но и духовная, — правовая и государственная — культуры суть дѣло Аспаруховыхъ тюрко-гунновъ (нѣчто совершенно неосновательное). И я постарался отыскать, нѣтъ ли въ турецко-болгарскихъ юридическихъ пословицахъ какихъ-либо пережитковъ — терминовъ и словъ, кои подкрѣпили бы эту теорію о тюркской культурѣ, якобы оказавшей большое вліяніе при созданіи славяно-болгарской народности, гражданственности и государственности на Балканахъ, во время и послѣ Аспаруховой дружины.

Я произвожу опытъ, опытъ, который меня приводитъ къ заключенію, что турецкія пословицы у насъ, и болгарскія ихъ параллели, ведутъ свое начало со времени появленія и завоеваній османскихъ турокъ. Никакихъ слѣдовъ ранней

¹⁾ Проф. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. ч. II. 1884 г. Изслѣдованія по исторіи русскаго права I-II. 1896; Проф. В. Н. Златарскій. Исторія права русскаго народа. 1899. Проф. Самоквасовъ является основателемъ археологическаго метода въ исторіи права; онъ защищаетъ подобно и съ большою вѣроятностью скифское происхождение народовъ сѣверной и восточной Европы. См. Проф. Н. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа. Казань. 1899. Стр. 119, 124.

тюркской терминологии или пареміологии не существуетъ, въ нашей и турецкой пословичной области (въ области нашего и турецкаго пословичнаго эпоса).

Этотъ докладъ, къ сожалѣнію, представляетъ чрезвычайно сокращенное извлеченіе изъ моего обширнаго этюда по данному предмету. И если я рѣшаюсь прочесть его, въ данномъ его объемѣ и формѣ, то только для того, чтобы рядомъ съ нѣкоторыми данными изъ области турецко-болгарскихъ пословичныхъ параллелей сообщить и тѣ заключенія, къ которымъ я въ результатѣ пришелъ.

I

Всякій, кто вслушивается въ говоръ тѣхъ старыхъ болгаръ, которые любятъ употреблять пословицы, замѣтитъ, что они предпочитаютъ турецкія пословицы болгарскимъ. Нѣкоторые даже, произнеся болгарскую пословицу, выставляютъ рядомъ съ ней и соотвѣтствующую турецкую, или же наоборотъ. Причина такого подчеркиванія болгарской пословицы турецкой заключается въ томъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ первыхъ собирателей болгарскихъ пословицъ — Петко Рачевъ Славейковъ, — что турецкія „старыя слова“ больше приложимы въ практической жизни.

Поверхностное разсмотрѣніе болгарскихъ пословицъ и поговорокъ показываетъ, что дѣйствительно среди нихъ имѣется достаточно такихъ, которыя кажутся турецкими, передѣланными на болгарскій ладъ.

Однако, болѣе глубокое изученіе болгарскихъ пословицъ, имѣющихъ параллели въ турецкой пареміографіи, приведетъ насъ къ нѣсколькимъ инымъ заключеніямъ. Еще П. Р. Славейковъ въ своихъ „Притчахъ, пословицахъ и характерныхъ словахъ“, обратилъ вниманіе на турецкія „старыя слова“. Онъ началъ ихъ записывать очень рано, въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

„Долженъ признать — пишетъ онъ — что турецкія старыя слова я нахожу болѣе замысловатыми, чаще употребляемыми и болѣе приложимыми въ практической жизни. Только нѣкоторыя изъ нихъ болѣе „галатни“¹⁾.

¹⁾ Славейковъ употребляетъ слово „галатни“ въ смыслѣ — неприличныя, циничныя или, какъ говорятъ нѣкоторые, нецензурныя. Проф. Ст. Младеновъ ихъ называетъ „хульными“. Такія „галатни“, и чрезвычайно „галатни“, пословицы напечатали проф. Младеновъ и Чилингировъ (Извѣстія этнограф. Муз. г. II, кн. 3—4 и г. III, кн. 1—2). Проф. Младеновъ обратилъ вниманіе на языковую сторону этихъ пословицъ. И Чилингировъ и Младеновъ слушали и записали пословицы отъ знающихъ турецкій языкъ болгаръ. Не сомнѣваюсь, что сообщители обнародован-

Далѣ въ своихъ объясненіяхъ онъ говоритъ, что „замѣтилъ тѣмъ не менѣе много разъ, что пользующіеся такими старыми „словами“ (изреченіями) на турецкомъ, и тогда, когда говорятъ по болгарски, часто приводятъ эти слова переведенными на болгарскій, переведенными такъ, какъ ихъ никогда не перевелъ бы даже самый знающій изъ нашихъ ученыхъ“. И Славейковъ объясняетъ, что въ такихъ случаяхъ переводчики осмысливали свои переводы, передавая не слова, а смыслъ (и дѣйствіе) при помощи оборотовъ, свойственныхъ болгарину, такъ, напримѣръ, въ выраженіяхъ, которыя на турецкомъ приводились какъ примѣры изъ морской или военной жизни, переводчики приспособляли лодку къ повозкѣ, оружье къ плугу.

И онъ приводитъ:

„Хергюн байрам олмаз“. Болгар. парал.: „Всѣки день Коледа не бива“ (каждый день Рождества не бываетъ).

„Делие хер гюн байрам“: Болгар. парал.: „На лудия всѣки светъ день — Великдень“.

— Глупому каждый праздникъ — Пасха.

„Байрамдан сора байрам бумбареки“. — Послѣ байрама, — привѣтъ. Болгар. парал.: „После дня Коледи ле!“

Жаль, что Славейковъ, какъ онъ самъ признается, послѣ того какъ записывалъ турецкія „старыя слова“ и узнавалъ ихъ переводы (или параллели) уничтожалъ турецкія. Ему не приходилось слышать точнаго и опредѣленнаго указанія на наименованіе этихъ старыхъ словъ у турокъ, какъ впрочемъ не приходилось слышать этого у болгаръ, которые говорили: „какъ сказала тотъ“, „есть одно старое изреченіе“, „есть одна притча“. И у турокъ слышалось: „биръ лафъ варъ“ (есть одно слово); „или бириси демишъ“ (кто-то сказалъ), но „какъ-будто съ большими указаніями на то, что „слова“ эти принадлежали не одному, а многимъ“.

Но не только Славейковъ собиралъ наряду съ болгарскими и соотвѣтствующія имъ турецкія параллели. Это дѣлалось и другими собирателями, какъ это видно изъ „Сборниковъ Народныхъ умотвореній“¹⁾. Во всякомъ случаѣ, изученіе этихъ параллелей, особенно въ области юридическихъ пословицъ, мнѣ кажется, будетъ имѣть не только лингвистическое, но и культурно-юридическое значеніе. Когда же, соб-

наго небольшого числа турецкихъ пословицъ увлекались приведеніемъ большого количества такихъ нецензурныхъ словъ, которыя приятно „ласкали“ ихъ слухъ. Считаю уместнымъ здѣсь замѣтить, что въ большихъ сборникахъ турецкихъ пословицъ — пословицы Шинаси (4000) и Текезаде (около 3500) — не встрѣчается ни одной нецензурной пословицы, о которыхъ только-что говорилось.

¹⁾ См. Нов. Собраніе Шапкарева въ СВНУ 36. 1926

«ственно, появились у насъ турецкія пословицы, поговорки и термины? Существовали ли таковыя въ болгарскомъ языкѣ передъ нашествіемъ и завоеваніемъ османскихъ турокъ?

II

Въ эпоху завоеванія турками Балканскаго полуострова и въ частности Болгаріи, болгары имѣли сравнительно достаточно высокую культуру вообще и духовную, въ особенности. Это была не только письменность, присущая этой духовной культурѣ, какъ это уже доказано и признано всѣми культурно-политическими историками на Балканахъ, всѣми славистами-славянами и иностранцами. И народная духовная культура, включая и обычно-правовую, выраженную въ фольклорѣ, была не менѣе развита и богата въ болгарской народной средѣ. Произведенія народного творчества во всѣхъ областяхъ были богатѣйшимъ сокровищемъ, какъ это видно изъ пережитковъ въ этой области, пережитковъ, о которыхъ сообщается у насъ въ упомянутыхъ фольклорныхъ сборникахъ. О пословицахъ, вообще и о юридическихъ—въ частности, нужно замѣтить, что онѣ существуютъ въ большомъ изобилии у болгарскаго народа. Извѣстно, что обычный народный кодексъ воплощается въ символахъ, формулахъ, пословицахъ, носителями и распространителями которыхъ были, главнымъ образомъ, старѣйшины, кметы, кнези въ западной Болгаріи, чорбаджии, демогеронты, священники и другіе сановники. Они не только знали, не только употребляли эти пословицы въ отношеніяхъ между собою, но и прилагали ихъ въ жизни при куплѣ-продажѣ, спорахъ, судѣ. Обычно-правовая юриспруденція, являющаяся ихъ обязанностью, не имѣла другихъ источниковъ. Правосознаніе, которое диктовало то или иное разрѣшеніе данныхъ жизненныхъ отношеній, споровъ или вражды, подкрѣплялось, такъ сказать мотивировалась, и этими пословицами, и нѣкоторыми установленными правовыми формулами, пріобрѣтшими извѣстность и какъ-бы общее одобреніе, поскольку онѣ провозглашались всенародно, передъ всѣми, дѣлаясь такимъ образомъ общимъ достояніемъ. Если турецкіе завоеватели первое время должны были принять, въ качествѣ дѣловаго языка, языкъ болгарскій, мѣстами — сербскій, если вскорѣ послѣ завоеванія во многихъ случаяхъ на болгарскихъ писцовъ, состоявшихъ и разные другіе официальные документы, возлагалось писаніе грамотъ (хрисовуловъ); если въ то время улемы, муфтіи, кадїи (судьи) и наибы еще не образовали прочно установленнаго института, то намъ совершенно не покажется страннымъ, что вскорѣ послѣ завоеванія болгарскій старѣйшина вершилъ судъ и расправу въ своей средѣ, средѣ живущихъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Это еще не все. Много времени спустя, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, завоеватель, во мно-

гихъ случаяхъ жестокой деспотъ, разрушитель, особенно, когда покоренный — рая поднималъ голову, все же имѣлъ значительную терпимость въ отношеніи домашней, общественной, религіозной и даже національной автономіи.

Видя, что юридическая культура болгаръ стояла на сравнительно болѣе высокому уровнѣ, нежели у завоевателя, сильнаго своимъ воинственнымъ духомъ, стихійной энергіей, своей дисциплиной и политическимъ фанатизмомъ, турецкіе властители не только терпѣли, но во многихъ случаяхъ разрѣшали существованіе этой автономіи въ широкихъ границахъ.

Намъ извѣстно, что турки въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, даже когда у нихъ сформировалось достаточно стройное шерійское правосудіе, и когда муфтіи, кадїи и наибы имѣлись во всѣхъ центральныхъ поселеніяхъ (касаби), все тѣ же турецкія власти, часто сами паши, муфтіи и судьи говорили болгарскимъ лучшимъ людямъ: — „разрѣшайте сами между собою ваши дѣла — свары и споры“. Случалось, что старѣйшины обращались за наставленіями къ судьямъ, а эти послѣдніе имъ отвѣчали: — „сиз бу даваларх аранызда баканыз; адетиниз мюджебиндже-бир карар аланыз“ (вы эти свары разберите между собой, примите по нимъ рѣшеніе, согласно съ вашими обычаями).

Эти взаимоотношенія между завоевателями и покоренными, между агами и райей имѣли рѣшающее значеніе и для болгарскаго обычнаго права, въ частности и для нашихъ юридическихъ формулъ, пословицъ и поговорокъ вообще. Очень часто болгарскіе институты (уредби) и нормы остались или совсѣмъ незатронутыми правовыми понятіями завоевателя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже рецепировались (усвоились) имъ безъ или съ незначительными видоизмѣненіями (напр., права наслѣдованія). Въ этихъ взаимоотношеніяхъ болгарская юридическая культура много разъ поддавалась лишь только внѣшне, формально, нѣкоторому турецкому казуистическому натиску или воздѣйствію. Воспринималось турецкое слово османскаго властителя — официальный терминъ для понятія, которое было исконно, вѣчно для болгарина, надъ которымъ онъ дрожалъ, которое онъ оберегалъ съ величайшей заботливостью, — какъ священное преданіе. И турецкій терминъ въ такихъ случаяхъ, иногда, какъ помодѣ, воспринимается или просто идетъ на смѣну болгарскому.

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не находимъ въ источникахъ болгарскихъ терминовъ, которые бы соотвѣтствовали турецкимъ, то это не значитъ, что у болгаръ такихъ терминовъ не было или что соотвѣтствующіе институты или нормы были принесены изъ турецкаго права: это значитъ.

лишь то, что турецкая терминологія вытѣснила болгарскую. Это мы должны имѣть въ виду и при толкованіи смысла и содержанія болгарскихъ пословицъ, при сопоставленіи ихъ съ турецкими.

III

Въ своемъ этюдѣ — „Болгарское обычное уголовное право“ (Изд. Болг. Акад. Наукъ, кн. 37, Сборникъ народныхъ умотвореній) я привелъ большое количество турецкихъ (османскихъ) словъ, которыя народъ перенялъ у турецкой терминологіи во время своего политическаго рабства, продолжавшагося цѣлыхъ пять вѣковъ. Среди этихъ словъ встрѣчаются и такія, которыя существовали въ болгарскомъ, однако турецкій говоръ, проявляющійся въ политическомъ и канцелярскомъ языкѣ, бывшемъ въ обращеніи у народа, навязалъ турецкія слова—параллели, а мѣстами — совсѣмъ уничтожилъ соотвѣтствующій болгарскій терминъ. Такъ что перенятое и часто употребляемое турецкое слово совершенно не означаетъ, что болгарскій языкъ, вслѣдствіе скудости своихъ терминовъ, былъ вынужденъ усвоить турецкіе. Достаточно назвать хотя бы самое слово „обычай“, которое настолько было вытѣснено турецкимъ „адеть“, что если въ настоящее время мы будемъ искать его въ обширной сокровищницѣ фольклора, мы нигдѣ не найдемъ его. Это однако отнюдь не говоритъ ни объ отсутствіи соотвѣтственныхъ понятій въ болгарскомъ правосознаніи, ни также о томъ, что это слово, часто замѣняемое терминомъ „законъ“, исчезло окончательно. Еще менѣе это можетъ свидѣтельствовать о томъ, что понятіе „обычай“ было чуждо старымъ болгарамъ и что оно было принесено турецкимъ (османскимъ) „адеть“. Напротивъ, какъ это извѣстно, дѣйствующее право въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ сводилось у народа почти исключительно къ обычному. Термины, воспринятые болгарскимъ народомъ изъ турецкой терминологіи, какъ, напр., — кабахать, кабахатля, аталыкъ (хяталъкъ), беля, давия, даваджия, джереме, диетъ (канъ-парасы), енкастъ, зараръ и зянь, зорланъ, зулумъ, ифтира, кавганиетъ, пишманлакъ, рушветъ, сахтикярлкъкъ, хианетъ, хаининъ, хапузь, хырсызь; яланшахатъ — мѣстами совсѣмъ, мѣстами почти, могли вытѣснить соотвѣтствующіе болгарскіе: пакость, тжжба, глоба, откупъ, нарочно, тщета или повреда, насила, бѣда, свада, грѣшка или вина, виновный, вражда или крѣвна месть, намѣреніе, раскаяніе, подкупъ, подправа, предательство, затворникъ, разбойникъ, лжесвидѣтель.

То что является яснымъ въ заимствованныхъ или связанныхъ необходимостью турецкихъ (османскихъ) терминахъ, можетъ быть также сказано и о заимствованныхъ изъ турецкой пареміологіи пословицахъ.

IV

При изученіи параллельныхъ турецкихъ и болгарскихъ пословицъ, прежде всего бросается въ глаза большое количество такихъ, **которыя кажутся**, какъ говорилось выше, или буквальнымъ переводомъ или вольнымъ приспособленіемъ турецкихъ. Наши изслѣдованія однако привели насъ къ совѣтъ инымъ заключеніямъ. Здѣсь мы укажемъ только нѣкоторыя, наиболѣе характерныя для того, чтобы сдѣлать соотвѣтствующія заключенія ¹⁾).

Очень распространенная у насъ пословица „старъ плеть изгнива, старъ борчъ не изгнива“ — „старый плеть изгниваетъ, а старый долгъ не пропадаетъ“ (изгниваетъ) — Славейковъ 2.131 — можетъ быть сочтена или за переводъ съ турецкаго или за заимствованіе по смыслу изъ турецкой пословицы, которую находимъ у Чилингирова — „ески борчъ чурюмесъ“. Замѣчу прежде всего, что эту пословицу — „ески борчъ чурюмесъ“ — я не могъ отыскать въ обширномъ сборникѣ пословицъ и поговорокъ, изданныхъ на турецкомъ языкѣ извѣстнымъ турецкимъ ученымъ Шинаси, содержащемъ 4004 пословицы и поговорки, ни въ Сборникѣ Теке-Заде Саидъ. Также не нашелъ я этой пословицы и въ „Хрестоматіи“ Мих. Терентьева (1880). Сразу можемъ предположить, что „ески борчъ чурюмесъ“ по своему происхожденію не есть заимствованіе изъ какой-либо старой турецкой пословицы или поговорки. Но фактомъ еще болѣе подтверждающимъ наше предположеніе, является то обстоятельство, что, если давность не имѣетъ, согласно нашей пословицѣ, силы для должника, то въ шеріатѣ, какъ и въ римскомъ правѣ, а также другихъ, давность признается.

¹⁾ Приводимыя въ этомъ моемъ трудѣ пословицы я заимствую изъ слѣдующихъ сборниковъ:

1. Петко Р. Славейковъ. Болгарскія притчи. 2 части
2. В. Чолаковъ. Болгарскій народный сборникъ. Белградъ, 1872 г.
3. Л. Каравеловъ. Памятники народнаго быта болгаръ. Москва
4. К. Шапкаревъ. Сборникъ народныхъ умотвореній кн. 36
5. Шинаси. Дуруби имсали османие. 3-е изданіе. Абу-ел-Зия, 1302-1880. Цариградъ.
6. Текезаде Саидъ, Мюнтехибеи-тюркие яхуд аталар сйозю, 1311—1893. Дерсааде.
7. С. Чилингировъ. Турецкія пословицы.—Изв. Этнограф. Музея, 2 из т.
8. Проф. Младеновъ въ Zeitsch. der d. Morgenländischen gesellschaft, 68 band. Leipzig.
9. М. Терентьевъ. Хрестоматія турецкая, персидская и пр. Русск. изд. Мое большое собраніе юридическихъ пословицъ: болгарскихъ, турецкихъ, русскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, румынскихъ, французскихъ и др.

Старое болгарское обычное право не признаетъ давности ни въ случаяхъ преступленій, ни при договорныхъ денежныхъ обязательствахъ, ни вообще въ имущественныхъ правахъ. Въ данномъ случаѣ оно не является строго-формальнымъ правомъ и ищетъ въ правѣ правды, справедливости. Оно требуетъ наказанія виновному, независимо отъ времени, истекшаго со дня преступленія. Оно желаетъ, чтобы всякій долгъ былъ уплоченъ, сколько бы времени ни прошло. Рядъ пословицъ подтверждаетъ это положеніе относительно давности для долга. Такими являются: „Долгъ и сто лѣтъ выплачивается“ (Слав.); „долги не забываются“; „плетень изгниваетъ, долгъ — нѣтъ“ (Охридъ Шапкаревъ). Этотъ правовой взглядъ на давность не согласуется съ турецкимъ правомъ Шеріата, онъ является самобытнымъ народнымъ обычнымъ правомъ.

Владимирскій-Будановъ въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“ стр. 619, рассматривая нѣкоторыя узаконенія въ области давности въ русскомъ дѣйствующемъ правѣ, говоритъ: „Изъ обзора этихъ узаконеній ясно, что давность по обязательствамъ есть явленіе искусственное, установленное законодательствомъ; въ обычномъ правѣ слѣдовъ ея нѣтъ“.

Среди сотни параллельныхъ турецко-болгарскихъ пословицъ, записанныхъ мною, я нахожу много такихъ, которыя лишь на первый взглядъ кажутся заимствованными, въ дѣйствительности — они переводныя, чисто - народныя, болгарскія.

Во многихъ случаяхъ не турецкія, а болгарскія пословицы повліяли и вызвали турецкія параллели. Впрочемъ, здѣсь я долженъ замѣтить, что вопросъ относительно параллелей не только въ турецко-болгарскихъ пословицахъ, но и въ пословицахъ другихъ народовъ, крайне интересенъ съ научной точки зрѣнія и о немъ можно сказать, что онъ еще не разрѣшенъ окончательно. У всѣхъ народовъ и во всѣхъ языкахъ существуютъ пословицы, въ томъ числѣ и юридическія, имѣющія извѣстное сходство, особенно по смыслу. Это сходство является слѣдствіемъ или заимствованія, или того правила, что одинаковыя условія жизни создаютъ и одинаковыя явленія, одинаковыя послѣдствія, или же тѣмъ обстоятельствомъ, что у нѣкоторыхъ различныхъ народовъ учрежденія и нормы имѣютъ сходство, въ силу общности ихъ, эти институты возникли еще въ общей прародинѣ.

* * *

Прежде всего я здѣсь приведу нѣсколько турецко-болгарскихъ пословицъ, въ болгарскомъ происхожденіи которыхъ, мнѣ кажется, сомнѣваться не приходится.

— Стоянова майка плаче, а Бѣжанова не плаче.

— Плачеть мать Стояна, а не Бѣжана.

У Чилингинова: „Качанын анасы агламае“ кажется переводомъ одной части болгарской, т. е. „Бѣжанова майка не плаче“. У Шинаси пословица имѣеть другую редакцію: „Качанын анасы агламамыш“. У Текезаде Саидъ она, вѣроятно по ошибкѣ, напечатана такъ: „Качанын анасы агламыш“ — т. е. мать бѣглеца расплакалась. У Шинаси есть и другіе варианты: „Евел качан куртулур“, т. е. кто бѣжитъ первымъ, спасается.

Параллельныя и одинаковаго значенія пословицы существуютъ во всѣхъ языкахъ. Однако, въ нашемъ случаѣ здѣсь, при сравненіи болгарской пословицы съ турецкой, становится совершенно ясной самобытность нашей, т. к. она не удовлетворяется одной частью положенія, а подчеркиваетъ, что если „Бѣжанова мать не плачеть“, то „Стоянова плачеть“. Кромѣ того, ея оригинальность — въ лексическомъ, и въ синтаксическомъ отношеніи. Пословица прилагается, главнымъ образомъ, въ случаяхъ, когда кто-либо — въ бѣгствѣ, въ эмигрированіи или окончательномъ выселеніи. Въ Македоніи, Охридѣ, пословица гласитъ: „Беганова майка бело носила, а Стоянова църно“ (Шапкаревъ Сб. Нар. Умотв, и Книжнина. 36.206), т. е. „мать Бѣжана носила бѣлое, а Стояна — черное“.

Для доказательства консервативности народнаго обычнаго права, являющейся его характернымъ признакомъ, мы имѣемъ нѣсколько пословицъ:

„На вето село новъ адеть не бива“, т. е. „старое село новымъ закономъ не управляется“.

„На вето село новъ законъ не бива“.

„На вето село адеть не вади“.

Въ турецкихъ сборникахъ пословицъ я нашёлъ только одну соотвѣтствующую у Шинаси: „Ески шехре ени адет“. Шинаси беретъ пословицу изъ одной пѣсни (газель), которая заканчивается: — „Я Раби, еси шехре ени адет олмасын“ (о Боже, да не будетъ новаго обычая въ старомъ городѣ). А можетъ быть и обратно: возможно, что эта пѣсня ведетъ свое начало отъ только что указанной пословицы. Во всякомъ случаѣ, ея болгарское происхождение очень вѣроятно¹⁾. Наша пословица никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться, какъ заимствованіе или переводъ турецкой

¹⁾ Славяне вообще дрожали надъ неприкосновенностью своихъ священныхъ законовъ и преданій, избѣгая всякихъ нововведеній и противясь всякому чуждому влиянію со стороны сосѣднихъ народовъ, обстоятельство констатированное и византійскими лѣтописцами (Прокопій Кесарійскій, Импер. Маврикій и др.)

Адет йерини булсун, — Адет юзере олсун — иджаб тыр (Текезаде Саид). Эта поговорка имѣетъ основаніе быть разсматриваема, какъ чисто болгарская, а также, какъ турецкая.

Характерная пословица: „Преклонена глава сабя я не сече“ — „повинную голову мечъ не сѣчетъ“ выражена у насъ совсѣмъ своеобразно и оригинально. Она полностью соотвѣтствуетъ жизни. Турецкій „калыч“ (сабля) вызвалъ ея появленіе. „Амана завал олмаз“ — это турецкая ея параллель. Но она далеко не соотвѣтствуетъ нашей пословицѣ. Извѣстно, что у турокъ всякій, просившій помилованіе (амана) бывалъ пощажень. Однако болгарская пословица создана совсѣмъ самостоятельно и независимо отъ турецкой. Обѣ пословицы имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ, но обѣ характерны: не переведены одна съ другой.

Часто употребляемая, съ точки зрѣнія объективнаго и дѣйствующаго турецкаго (шерійскаго) права, пословица: „Паран варсы кефило ол — вактын варсы шахат ол“ — „есть ли у тебя время, будь свидѣтелемъ; есть ли у тебя деньги, будь поручителемъ“ или ея вариантъ: „Векил олан пара саяр“ — „поручитель платитъ деньги“ — у Славейкова она переведена выразительнымъ — „поржчитель — издѣлжитель“. Но эта пословица не является народной, а сочиненной, какъ и много другихъ; она не отвѣчаетъ болгарскимъ обычно правовымъ представленіямъ. Вѣроятно поэтому, упомянутая здѣсь турецкая пословица не встрѣчается въ болгарскомъ переводѣ, буквальномъ или по смыслу. Предполагаю, что это обстоятельство является результатомъ особаго пониманія поручительства въ болгарскомъ обычномъ правѣ, пониманія, отраженнаго во множествѣ данныхъ (отвѣты) въ моемъ „Сборникѣ юридическихъ обычаевъ“, ч. I, т. 2., „Обязательства“. Въ отвѣтахъ изъ разныхъ мѣстъ Болгаріи по этому вопросу видно, что народъ не возлагаетъ непремѣнно на поручителя (кефилина) отвѣтственность по уплатѣ долга вмѣсто прямого должника. Какъ и при поручительствѣ для освобожденія арестованнаго поручитель никогда не можетъ быть арестованъ взаменъ убѣжавшаго, точно такъ же и поручитель при гражданско-правовой сдѣлкѣ, за долгъ, съ письменнымъ обязательствомъ или устнымъ обѣщаніемъ, не бываетъ принуждаемъ къ уплатѣ, а разсматривается какъ нравственно-отвѣтственный за честность должника.

* * *

Встрѣчаются пословицы, кажушіяся переводами или прямыми отраженіями турецкихъ параллелей. Но и они, большей части, являются значительно видоизмѣненными народнымъ творчествомъ. Здѣсь я укажу лишь нѣсколько изъ нихъ.

„Ики киши динден бир киши джанданы“ — „кога останатъ двама безъ душа, третиятъ дава главата си“ (Слав.) т. е., когда двое останутся безъ души, третій даетъ свою голову.

Мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что болгарская ея форма (судя по ея начертанію) является искусственно созданной.

„Атлар чекишир (вариантъ тепишир) ешеклер чекер“ у Славейкова передано такъ: „Атоветѣ се ритатъ, магарета теглятъ“, т. е. „жеребцы брыкаются, а ослы страдаютъ“ (паны дерутся, а у хлопцевъ чубы летятъ).

Другой вариантъ: жеребцы скачутъ, а мулы отвѣчаютъ.

Жизнь подсказала эту пословицу и туркамъ, и болгарамъ.

„Аалък вирмэ ийле, бабаитлък (варьянтъ: итлек) курма иилек“.

У Славейкова эта пословица, повидимому, чисто книжный переводъ:

Юнаштво въ удрене, господарство въ даване.

„Евдеки пазар чаршия уймаз“ (у Младенова), „Евдеки пазарлък чаршия уймаз“ (Шинаси, 67)

Домашній базаръ не соотвѣтствуетъ базарному.

„Нерден кары, бен де оралы“.

Откуда моя жена, оттуда и я.

Впрочемъ эта пословица, въ которой передается нѣсколько шужливо, что мужъ происходитъ изъ родного мѣста жены, т. е., что онъ долженъ слѣдовать за нею на ея родину, вовсе не можетъ являться выраженіемъ болгарскаго народнаго быта.

„Сайби верир, телял вермес“ (у Шинаси: „Сахиби каил олур телял каир олмаз“ (132). У Текезаде (то же 173).

Сайбия даетъ, телялинь не даетъ (жалуетъ царь, да не милуетъ псарь).

„Мехкеменин (варьянтъ: хекимин) кестни пармак арымас“

Не болитъ палець, когда его рѣжетъ судъ (или лѣкарь)

„Лафъ торбая гирмез“ (у Шинаси: „Лақырды торбая гирмез“. 3363). Болгар. парал.: „Дума въ торба не влазя“.

Слово въ мѣшокъ не влѣзетъ.

По другому варьянту „лаф торбая гирмез, еврак торбая гирер“, т. е. слово въ торбу не влѣзетъ, документы въ торбу войдутъ. Эта пословица содержитъ въ себѣ одно турецкое процессуальное правило, въ силу котораго всякое „досье“ (судебное дѣло) для того, чтобы быть принятымъ во вниманіе должно состоять изъ письменныхъ доказательствъ, изъ документовъ, которыя турецкія кадїи и мехкеме (шерїйскїе суды) держали заключенными въ торбахъ вмѣсто папокъ, какъ это бываетъ у насъ и въ другихъ судахъ. Турецкая поговорка отвѣчаетъ латинской: Quod non est in acta, non est in mundo.

„Хер куюн (варьянтъ: кичи) кенди баджандан асалыр“ (у Шинаси 3666). Болгарская параллель: „Всѣка коза за свой кракъ“.

Смысль: всякій отвѣчаетъ за себя.

И эта пословица отвѣчаетъ турецкимъ правовымъ взглядомъ, по которымъ отвѣтственность въ преступныхъ дѣяніяхъ является индивидуальной въ противоположность болгарскому задружному праву, по которому отвѣтственность несетъ община, задруга, челядь, а не отдѣльный членъ коллектива.

„Янлыш хесап агдатдан дьонер“ (у Шинаси 3835). Болгарская парал.: „Погрѣшна смѣтка и отъ Багдадъ се връща“
Неправильный счетъ и изъ Багдада возвращаютъ.

„Булгарын (гяурун) аклы сонрадан гелир“.

Болгаринъ (гяурин) заднимъ умомъ крѣпокъ.

У Славейкова „У болгарина появляется умъ, когда онъ убѣгаетъ или ложится“.

Пословица эта имѣетъ нѣсколько варьянтовъ. Характерно то, что та же пословица въ упомянутой мной „Хрестоматіи“ записана такъ:

„Тюркюн акылы, сонрадан гелир“, т. е. — турокъ заднимъ умомъ крѣпокъ

„Гиден агамыз, гелен пашамыз“ (у Шинаси 410 стр. 3260).

Уходящій ага, приходящій нашъ паша.

„Хер шей олур битер, кйссенин сакали битмез“ (Текзаде 347). — Все случается, только у безусаго борода не вырастаетъ.

„Армуд кйокюндеен узак дюшмез“, (Чилинг. 33.4. Шинаси 3448).

„Армуд(варьянтъ: Мейве) агаджиндан узак дюшмез“.

Груша (плодъ) не падаетъ далеко отъ дерева (у Чилингирова — отъ корня)

„Ач ай(аю) уйнамаз“. Турец. Хрестом.(у Шинаси по пор. 60)

Голодному медвѣдю не до пляски.

Наша параллель и здѣсь характерна: „Гладна мечка хоро не играе“.

Голодный медвѣдь „хоро“ (танецъ) не танцуетъ (Слав. I 195).

Пословица „сикют икран дыр“ (молчать — самопризнаніе) не является ни переведенной, ни приспособленной къ болгарской (у французозъ: Qui ne dit mot consent.)

Не значить ли это, что народное правосознаніе не принимаетъ этой формулы?

Также и другая турецкая пословица:

„Испатын йокса, хакын да йок“

„Если не имѣешь доказательствъ—не имѣешь и права“ — не имѣетъ ни своего перевода, ни параллели у насъ. При

помощи этихъ нѣсколькихъ турецко-болгарскихъ параллелей я произвожу совсѣмъ бѣглый сравнительный обзоръ. Подробно же я высказываюсь въ упомянутомъ моемъ трудѣ.

V

Изслѣдованія, произведенныя мною въ области параллелей пословицъ — турецкихъ и болгарскихъ — и особенно въ области турецко-болгарскихъ юридическихъ пословицъ позволяютъ мнѣ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, которыхъ я не выставляю, какъ неоспоримыя. Напротивъ, эти мои заключенія подлежатъ извѣстной провѣркѣ при помощи болѣе обстоятельныхъ изслѣдованій и справокъ.

1. Юридическія пословицы вообще, какъ косвенные источники, имѣютъ большое значеніе при изученіи народнаго обычнаго права и правовой исторіи. Ихъ собраніе, систематизированіе и сравнительное изученіе можетъ въ извѣстной степени освѣтить много темныхъ мѣстъ въ области древняго права. Также и съ точки зрѣнія чистой науки обычнаго права и народной юриспруденціи подобное изученіе является обязательнымъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ едва-ли можетъ вызвать сомнѣнія.

2. При сравнительномъ изученіи болгаро-турецкихъ параллелей въ юридическихъ пословицахъ, выдвигается между прочимъ одна особенность въ болгарской части этихъ пословицъ. Имѣются случаи, когда болгарскія юридическія пословицы вошли въ турецкій языкъ, тамъ остались и переняты были, какъ турецкія. Встрѣчаются и такія болгарскія юридическія пословицы, которыя, будучи переведены на турецкій и будучи произносимы у насъ на этомъ языкѣ, все же не только сохранили подлинный свой болгарскій народный обликъ, но отражаютъ народный взглядъ по обычному праву. Такимъ образомъ, въ этихъ пословицахъ, принимая во вниманіе консерватизмъ права, могутъ быть найдены обширные матеріалы изъ области стараго болгарскаго народнаго права.

3. Тамъ, гдѣ болгарскій переводчикъ долженъ былъ переводить болѣе или менѣе значительное количество турецкихъ пословицъ, онъ нигдѣ этого не дѣлалъ охоту. Напротивъ, онъ всегда имѣлъ въ виду народно-юридическую культуру и, приспособляя турецкую пословицу къ болгарской формѣ-образчику, старался осмыслить ее въ духѣ болгарскаго бытового сознанія. Буквальный и книжный перевод чувствуется сразу. Онъ не соответствуетъ по своей конструкціи болгарской народной рѣчи, а по смыслу — болгарской правовой идеологіи.

4. Болгарскій историкъ права и всякій изучающій болгарское народное право не можетъ игнорировать турецкія юридическія пословицы: — не только выросшія и развившіяся на болгарской почвѣ, но и тѣ, которыя были принесены и употреблялись у насъ, какъ усвоенныя, очень часто чуждыя болгарскому народному пониманію. Не нужно забывать, что нѣкоторыя турецкія пословицы были переняты нами, употреблялись и продолжаютъ быть употребляемыми въ силу моды или для того, чтобы показать, что употребляющій ихъ знакомъ съ турецкими языкомъ и турецкой пареміологіей. Болгарскихъ параллельныхъ пословицъ, напоминающихъ татарскую тюрко-культуру Аспаруховой дружины, не существуетъ. Съ большимъ интересомъ буду ждать мнѣнія по этому вопросу кого-либо изъ защитниковъ тюркской теоріи.

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ я не коснулся параллелей юридическихъ пословицъ у славянскихъ и другихъ народовъ. Подвергнутая подробному критическому и историко-сравнительному анализу всеобщая пареміологія могла бы насъ привести къ заключенію, что подобныя явленія существуютъ и въ фольклорѣ другихъ народностей.

Одинаковыя условія жизни и обоюдныя заимствованія создали у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ сходныя по содержанію или соотвѣтственныя по смыслу и тенденціямъ пословицы.

Однако внимательное изученіе пословицъ даннаго народа все таки доказываетъ, что въ этихъ пословицахъ во всякомъ случаѣ есть нѣчто свое, индивидуальное характеризующее бытовую и юридическую сторону даннаго народа.
